

СКАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ХРИСТИАНСКОГО ХЕРСОНЕСА-ХЕРСОНА (IV-X ВВ.)

Проф. Сергей Сорочан

В IV в. можно с уверенностью говорить о становлении христианства в Херсонесе Таврическом, византийском Херсоне в Крыму. В городе существовала не только христианская община, поначалу, вероятно, совсем небольшая, но и появилась епископская кафедра. Христианское сознание по новому осмысляло мир и это осмысление нашло отражение в зримых скальных памятниках архитектуры, столь свойственных христианскому миру. Вопрос лишь в том, какими формами они оказались представлены в византийском Херсонесе-Херсоне, поскольку античный город знал такие сакральные памятники как редкое исключение. И это не по причине отсутствия возможностей для таких сооружений: скальный массив с мощными слоями известняка сарматского яруса, на котором воздвигнут город и покрывают его окрестности, давал прекрасные строительные возможности для такой архитектуры. Свидетельство тому не только десятки цистерн, но и появление, более того, массовое строительство уже в римскую эпоху скальных склепов с нишами - лежанками либо колумбариев с кремациями. Примечательно, что большинство из них будет активно воспринято христианским обществом, приспособившим эти сооружения для нужд своих кладбищ и продолжавшим вырубать такие скальные погребальные сооружения до VII-VIII вв., тогда как собственно в городе главным объектом скальных сакральных сооружений, на наш взгляд, станут мартирии, они же мемории (от греч. мартис - «свидетель», лат. *memorium*) (Armstrong 1990,

СКАЛНАТА АРХИТЕКТУРА НА ХРИСТИАНСКИЯ ХЕРСОНЕС-ХЕРСОН (IV-X ВВ.)

(Резюме)

Проф. Сергей Сорочан

В доклада е направен опит да се представят всички известни сведения за тези сакрални паметници на ранно византийския Херсонес-Херсон, които могат да бъдат отнесени към обектите на скалната архитектура. Предложена е тяхна класификация, открити са общи черти и особености, което позволява да се говори за три разновидности на тези съоръжения: мартирии с подземно ниво, гробница или крипта; скални погребални гробници, някои от които също могат да бъдат обекти на мартириалния култ (преди всичко гробници с християнски стенописи); изсечени в скалата агиасми и фреари. Към гражданските обекти от този род могат да бъдат отнесени някои големи водосборни цистерни, отчасти изсечени в скалата на значителна дълбочина, доколкото това позволява многометровата дебелина на отлаганията от сарматски варовик на мястото, където е разположен градът.

Най-ранни от тях са скал-

ните гробници на извънградския некропол, наследени от християните от езическите погребения, ипогеи от първите векове на н. е. Строителството на мартирии с елементи на скална архитектура започва по-късно и в голямата си част се осъществява предимно през втората половина на VI – началото на VII вв. Към това време се отнася и устройството на водосборната цистерна на голямата агора, която, както и мартириите, е просъществувала до X-XI вв.

580-582). Подобно здание обычно имело крестовидную, квадратную, прямоугольную, триконхиальную, тетраконхиальную, октогональную или круглую в плане форму, иногда с куполом и экседрой, апсидой. Кроме того, оно могло быть окружено галереями, впрочем, не обязательными. Исходя из этой планировки, А. Грабар выделял семь типов мартириев (Grabar 1946; Grabar 1949, 95-104). Наиболее примечательно, что под апсидой или вимой, а иногда под центральной частью их наоса обычно находилась подземная крипта с гробницей мученика (мучеников), куда вел ход (подр. см.: Grabar 1946; Krautheimer 1960, 15-40; Klausner 1974, 221-229; Deichmann 1979, 144-169; Ward-Perkins 1993, 20-7; Early Christian..., 2006).

Исходя из этих внешних и внутренних критериев попробуем определить, какие сооружения IV-X вв. на территории ранневизантийского Херсона и его ближайших окрестностей могут быть отнесены к категории скальных – погребальных, мартириальных и иных, и можно ли выделить среди них определенные типы, разновидности. Это тем более актуально, что подобная попытка обобщающего исследования на херсонесском материале христианского города и его самых ближайших окрестностей, пригорода пока не предпринималась.

На первый взгляд, к наиболее убедительным архитектурно-археологическим объектам такого рода относится помещение на восточной оконечности так называемой южной галереи самой крупной в городе Уваровской базилике (№23), которая идентифицируется нами на основании письменных агиографических источников IX в. как «большая базилика», то есть кафоликон Святых Апостолов Петра и Павла (Сорочан 2005, 153-181; Сорочан 2005 а, 157-162).

Галерееобразное камарное сооружение при Уваровской базилике, разделенное на несколько комнат, заканчивалось обосо-

бленным восточным двухкамерным помещением с апсидой, которое могло играть роль кимитирия - многоярусной скальной усыпальницы (koimeterion) при мартрии. Недаром полы над ней были вымощены мозаикой, а с западной стороны находился подземный, вырубленный в скале вход в склеп с лестницей из семи ступеней (Уваров 1855, 159 (план), Уваров, 167-168; Таврическая губерния 1893, 37-38, рис. 71).

Общая длина мартириального храма достигала 11 м, ширина – 6 м. При этом длина помещения с апсидой равнялась 5 м, а смежного с ним помещения – 3,95 м. Оба они сообщались через проход шириной 1,4 м. В скальный склеп из первого помещения вел открытый сверху ступенчатый дромос длиной 1,3 м, шириной 0,9 м, глубиной до 1,1 м, который заканчивался сводчатым входом (1,55 x 0,6 м). Камера имела почти квадратную форму (3,4 x 3,2 м), высоту 1,8 м, с плоским, хорошо обработанным потолком, с закругленными углами и не имела локул в боковых стенах. Стену над входом в усыпальницу срубили ровно и устроили в ней две небольшие глубокие ниши для светильников или свечников. В помещении над склепом имелось круглое отверстие диаметром 0,45 м, прикрывавшееся квадратной плитой 0,7 x 0,7 м (Отчет за 1901 год, л. 22). Такие отверстия служили для отправления поминальных братских трапез - агап („трапез любви”), когда через них совершали возлияния прямо в склеп и подобная практика сохранялась до принятия соответствующих канонов (74, 76) Пято-Шестого (Трулльского) собора 691-692 гг. (The Canons 1995, 156).

Вместе со склепом - кимитирием и небольшим верхним помещением для агап, где на крупные церковные праздники, к примеру, на Троицу, некоторое время, по крайней мере, до конца VII в., могли устраивать «трапезы любви», гробничная постройка в торце галереи Уваровской базилики была,

THE ROCK-HEWN ARCHITECTURE OF THE CHRISTIAN CHERSONESUS- CHERSON (4th-10th century) (Summary)

Prof. Sergey Sorochan

The report aims at presenting all known evidences for these sacral monuments of the Early Byzantine Chersonesus-Cherson, which can be referred to the sites of the rock-hewn architecture. A classification for them is proposed, distinguishing the shared features and the specifics, which allows the presumption for three varieties of these facilities: martyria with underground level, tomb or a crypt; rock-hewn burial tombs, some of which can be sites of the martyrism cult (mainly tombs with Christian frescoes); hagiasma and friaries, cut into the rock. To the civilian sites of this kind can be referred several large water-collection cisterns, partially cut into the rock at a significant depth, as much as this is allowed by the meters thickness of precipitation of the Sarmatian limestone on the site where the town is located.

The earliest of these rock-hewn tombs are at the necropolis out of the town, inherited by

the Christians from the pagan burials, hypogea of the first centuries AD. The construction of martyria with elements of rock-hewn architecture begins later and in its greater part is implemented mainly in the second half of the 6th – the early 7th century. This time is also referred to the implementation of the water-collection cistern in the large agora, which, in parallel to the martyria, has existed until the 10th-11th century.

очевидно, памятным местом и совмещала мемориальные функции с церковными, поминальными и, возможно, с каждодневно отправляемой литургией Евхаристии, для чего служила восточная апсида.

Другим высокочтимым «пещерным» мартирием могла служить небольшая одноапсидная двухуровневая церковь, сооруженная рядом с главной продольной улицей в III квартале. Есть основания связывать ее с почитанием Св. муч. Василия, легендарного первого епископа Херсонеса, небесного покровителя города (подр. см.: Сорочан 2008, 344-351; Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 142-150). Сооруженный не ранее конца VI в., христианский храм имел нижний подземный скальный ярус в виде триконхального помещения с крошечной апсидой. Вниз попадали по высеченной в камне лестнице шириной 0,75-0,82 м., не менее чем из 12 ступеней, каждая высотой 0,20-0,28 м. На расстоянии около 4 м. от пола она обрывается. Возможно, здесь следовал переход в деревянную лестницу (предположение Э. К. Гриневича, поддержанное А. Л. Якобсоном), либо спуск продолжался с площадки по лестнице с перилами, шедшей вдоль северной стены, и по другим ступеням – на противоположную, южную сторону помещения (реконструкция С. А. Беляева). Расчистка скальной крипты показала, что ее полом являлся мощный слой цемента, достигавший 0,12-0,15 м. толщины. В восточной, предапсидной части в нее была вделана известняковая плита 0,82 x 0,70 x 0,15 м., в верхней части которой находилось сферическое углубление (наибольшая глубина – 0,08 м.) со сливом из него. Еще один, но более значительный водосборник находился вблизи лестницы и ниши с гробницей, по центру своеобразной прихожей – нартекса. Он имел глубину около 0,60 м и канал, который отводил воду от ниши. Поэтому можно согласится с С. А. Беляевым, что

„это место особенно ценили и почитали, раз его так берегли и сохраняли, не допускали порчи скалы” (Беляев 1989, 44).

Свод крипты был либо сомкнутым, сводчатым, сложенным из плинфы, либо, что проще и более вероятно, перекрыт деревянными балками с положенными на них массивными, толстыми, судя по глубине балок от поверхности, каменными плитами, способными выдержать большой вес. Подрубы и отверстия для этих балок отчетливо видны по обеим сторонам. Их перемещали не менее двух раз, что говорит о длительности существования сооружения.

Обращает внимание, что из почти двух сотен обнаруженных в крипте монет подавляющее большинство (70%) были византийскими, причем принадлежали денежным выпускам от Василия I до Василия II, после чего монетные находки резко обрываются (Отчет 1885, 20). Когда бы ни возник храм - мартирий, очевидно, это был последний этап существования подземной гробницы. Мартириальная церковь и ее скальная крипта была украшена белым и даже черным мрамором, судя по его обломкам, в том числе колонн небольшого диаметра. Мартирий имел каменную ограду - перивол и выход на главную улицу, а рядом с апсидой храма, к югу, внутри перивола, была устроена вырубленная в скале могила. Ее близость к святыне и вместе с тем одиночество говорит о почетности, избранности места упокоения, которое не успело превратиться в обычный, рядовой кимитирий - усыпальницу с многочисленными многоярусными погребениями. Скорее всего, могила была предназначена для кого-то из ктиторов или лиц, оказавших храму особые услуги, поскольку, согласно православной канонической традиции (в частности, 173 правилу Номоканона и его толкованию Феодором Вальсамоном), „в тех церквях, в которых положено сокровище мученических мощей и которые запечатлены печатью помазания святым миром, не должно погребать какие-либо человеческие трупы” (Сазанов 2001, 38-39). Непредосудительным это считалось делать только для захоронения священнослужителей. Уже исходя только из этих обстоятельств, внутренности скального храма с криптой не могли представлять собой „мавзолей”, принадлежавший „какому-то знатному роду”, или ипогей, „семейную усыпальницу знатного херсонца” (ср.: Якобсон 1950, 74; Якобсон 1973, 20; Могаричев 1997, 96; Могаричев 1999, 229-238).

Причины заброшенности скального памятника в квартале III, того обстоятельства, что он оказался засыпан, завален камнями, могут быть связаны с катастрофой, скорее всего, сильнейшим землетрясением, постигшим Херсон, очевидно, на рубеже X-XI вв. Следы разрушений особенно отчетливо фиксируются в северных кварталах городища. Над засыпанной криптой со временем был возведен новый, поздний одноапсидный храм с кладкой из бутового камня на земляном растворе, но скальный ярус сооружения перестал функционировать.

С именем местночтимого мученика, легендарного епископа Василея связан еще один ярко выраженный скальный мартирий, который входил в

монастырский архитектурный комплекс на северо-западной оконечности города. Сведения херсонской агиографии IX-X вв., на наш взгляд, позволяют видеть в нем „дом Святого Леонтия“, который был, вероятно, женской обителью и располагал монастырским носокомионом, находившимся под небесным покровительством Св. мученика, врача - безсеребренника Леонтия Киликийского (Сорочан 2003, 146-173).

Очевидно, главной святыней, с которой началось сооружение здешнего монастырского комплекса, стало открытие особо почитаемой реликвии, - могилы мученически умерщвленного Василея, выброшенного после смерти из „Иера“ (Святых, Священных) или, по старославянской версии, „Красных“ (Прекрасных) ворот, очевидно, Западных больших ворот, в конце I продольной улицы, и „из страха перед множеством эллинов“ похороненного немногочисленными верными, согласно разным версиям свидетельств херсонского агиографа, „...вне города, на западе, близь стены“, „...вне стены, на запад града близ тоя стены“, то есть в ближайшем соседстве с западной древней оборонительной стеной города (Латышев 1906, 9, Латышев 1906, 56; Житие св. епископов... 2005, 1275, гл. 2; Житие и страсть... 1911, 161; Месяца марта... 1911, 166; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 648). Указание на редкость точное и определенное. Расстояние в 200 м вдоль линии античной оборонительной стены к северо-западу от Западных больших ворот вполне подходило такому описанию.

В связи с античной западной стеной, отчасти включенной в план своеобразной северо-западной херсонской „цитадели“, особый интерес вызывает церковь над вырубленной в скале усыпальницей (№12, она же – „часовня Г“), длиной 6,4 и шириной 4,6 м., которая располагалась как раз в углу, образуемом древней западной и приморской береговой оборонительными стенами, на расстоянии 4 м. от апсиды мемориальной крещальни („часовня Б“) Западной базилики (№13) и в 5 м против античной оборонительной стены. Не случайно над расположенным здесь скальным склепом с учетом именно его ориентации было построено сакральное поминальное сооружение с престолом, как это обычно и повсеместно делалось в Византии над местами почитания святых и мучеников, и, значит, оно могло быть мартирием с бывшим подземным, скальным ипогеем, приспособленным христианами под крипту (ср.: Уваров 1908, 119). Подобные мартириальные церкви или молельни обычно находились под опекой диаконов (Болотов 1913, 201).

Гробничное сооружение несомненно имело прямое отношение к коллективному загородному некрополю первых веков н.э., находившемуся здесь до строительства новой линии раннесредневековой западной оборонительной стены. Отдельные скальные склепы этого участка кладбища, оказавшиеся на территории „цитадели“, до V в. включительно, а, возможно, и до VI в. продолжали использовать под захоронения (Суров 1961, 91-94, рис. 17; типы амфор, здесь обнаруженные, см. : Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 16-20, табл. 2-4).

В отличие от алтаря Западной базилики, отклоняющегося от востока к

северу лишь на 5°, алтарь этой поминальной гробничной церкви с элементами скальной архитектуры имеет отклонение на 30°, что объясняется не прекращением существования храма и его давним забвением ко времени строительства более позднего крестовидного кимитирия ("Д") рядом с большой базиликой, как полагал К. К. Косцюшко-Валюжинич, а изначальной увязкой строительства этого мавзолея около западной античной оборонительной стены с ориентацией квадратного в плане ипогея (2,25 x 2,25 м., высота 1,7 м.), который оказался под поминальным храмом. Как заметил Е. Г. Суров, склеп занимает особое место и резко отличается от других вырубных склепов этого района по своему устройству (Суров 1965, 128).

Арочный вход в камеру указанного подземного ипогея с дромосом 1,8 м. длиной и 0,85 м. шириной был вырублен до свода в скале, а сама камера вверху, с высоты 0,9 м. от пола, фигурно доложена превосходным полуцилиндрическим сводом из светло-желтой, сравнительно тонкой плинфы, скрепленной розоватой цемянкой с прослойками раствора той же толщины, что и плинфа¹. Взаимно замыкающие наклонные кирпичи последовательно опирались друг на друга рядами, шедшими с четырех сторон, так что, скорее всего, для возведения такого небольшого свода опалубка была не нужна. Он строился по восточному методу – скатом, от стенок скалы. Это высокопрофессиональная работа, требующая большого опыта на ответственных стройках.

Не исключено, что в переделку попал семейный склеп-ипогей, который поначалу имел цельный коробовый каменный свод, то есть, как и подавляющее большинство аналогичных, типовых сооружений загородного херсонесского некрополя первых веков н. э., был вырублен в скале, и лишь затем переделан. Но уже сама крайняя редкость конструкции погребальной камеры подчеркивала уникальность, особенность склепа, для которого ее выбрали.

Дело в том, что в стенах склепа не было локул. Зато против входа в глубину находилась низкая, высотой не более 0,4 м. скальная лежанка для покойника необычно большой, как бы двойной ширины в 1,25 м., но кроме человеческих костей в подземелье, судя по отчету о раскопках, была найдена только „костяная точеная застежка” (Отчет за 1901 год, 13-14; Таврическая губерния 1893, 13).

Л. В. Фирсов обратил внимание на три ниши в полукруглой алтарной апсиде надгробной церкви, как бы имитирующие три конхи, что опять-таки было свойственно конструкции мавзолеев (Фирсов 1973, л. 21-22). Такие симметрично расположенные ниши в апсидальной части служили для хранения святых мощей (подр. см.: Енчев 2005, 63-67, фиг. 1-4). В целом, сооружение отчетливо вписывается в выделенную А. Грабарем группу ранневизантийских мавзолеев простой структуры с апсидой, которые ведут свое

¹ Аналогичное качество, цвет и размеры имел кирпич римского типа с именами святых из Марцианополя, который датируют концом IV - V вв. (Минчев 2011, 21). Обмеры склепа, его план см. : (Сорочан, Крупа 2006, 329-334).

происхождение от античных мавзолеев и имеют сиро-палестинские архитектурные параллели.

Следует обратить особое внимание, что расположение самой новопрестроенной мартыриальной церкви было подчинено задаче сохранить первоначальное место гробницы Св. Василия. Иначе говоря, мощи Св. Василия в буквальном смысле слова явились структурообразующим фактором для соответствующего культового здания, а это здание, со своей стороны, - для самого монастырского комплекса с базиликой №13.

Видеть эту гробницу в крестовидной гробничной молельне („храме Д“) с вырубленными в скале могилами и склепом, пристроенной с северо-запада к баптистерию („часовне Б“) и рассчитанной на множество погребений, как светских (в могилах под полом), так и, видимо, духовных лиц (в подземном склепе с заложенными кирпичом локулами), не приходится по причине наличия в нем именно коллективного кимитирия, что, скорее, соответствовало облику очередного „крытого кладбища“, „коллективного христианского мавзолея“ или главной монастырской липсанотеки, нежели мартырия или мемория - одиночной святыни (подр. см.: Сорочан 2005 б, 837-839, рис. 266; Фомин 2005, 136-137; ср.: Krautheimer 1960, 15-40; Klauser 1974, 221-229; Deichmann 1979, 144-169). Уже Феодосий I законом от 30 июля 381 г. запретил хоронить мирян в апостолионах и мартыриях (Saxer 1980, 239-240), а в нашем случае, судя по инвентарю некоторых могил (стеклянные и бронзовые браслеты, бронзовые серьги-кольца), здесь были именно захоронения светских лиц, и, значит, уже поэтому в случае с крестовидным сооружением „Д“ мы имеем дело не с мартырием. Даже скальный склеп под зданием „Д“ не может безоговорочно претендовать на роль особой подземной крипты по причине наличия в нем именно коллективных захоронений, выделить среди которых святые мощи, реликвии не представляется возможным.

Расчистки 2005 г., связанные с необходимостью консервации склепа под этим крестовидным сооружением, показали, что в северной лопасти креста коллективной гробничной усыпальницы, где под известняковыми плитами пола находились неглубокие могилы, обложенные камнями, оказалась группа керамики с фрагментами кувшинов с плоскими ручками, причем раннего типа, амфор так называемого причерноморского типа с зональным рифлением, что позволяет отнести этот контекст ко второй половине IX в. (см.: Фомин 2005, 134-137, рис. 1-17). Обнаруженный материал вполне соответствует по времени извлеченному из семи раскопанных здесь погребений под полом и указывает на погребения мирян (см.: Сорочан 2005 б, 839). Но особо следует отметить еще один факт: от крестовидного кимитирия до настоящего времени сохранилась часть кладки северной ветви, которая достигала длины 4,5 м. и имела ширину стены 0,8 м., причем была сложена не на земляном, как ошибочно отмечал К. К. Косцюшко-Валюжинич, а на известковом растворе (Сорочан 2005 б, 837). При зачистке стены в ней, вкрапленный в раствор, оказался выразительный фрагмент горла характерной воронковидной амфоры второй четверти VI - первой четверти VII вв. (Фомин 2005,

136, рис. 4; ср.: Сазанов 1991, 68-69, рис. 11). Такой же керамический материал (венчик амфоры с воронковидным горлом и донце краснолаковой миски LRC form 3) оказался в южной ветви креста. Уже одно это обстоятельство убедительно опровергает версию о возникновении памятника в пределах IV - V вв. и о возможности видеть именно в нем некий «первоверховный» символ святости, связанный с легендарным крестителем херсонеситов - епископом Капитоном или с церковным преданием о месте погребения епископа Василия, наконец, о склепе, где он воскресил ребенка из знатной херсонской семьи и где якобы состоялось крещение самих родителей (Якобсон 1959, 164; Кленина 2003, 23; Ранневизантийские..., 2004, 42; Klenina 2006 a, 117).

Остальные аналогичные сакральные памятники Херсона с элементами скальной архитектуры обнаружены за городом, но в близких пределах нескольких сот метров от него. К таковым относится «весьма ценный» (*pretiosissimo*), „великолепно (величественно) украшенный (убранный)” (*magnifico decore ornato*) крестовидный храм загородного монастыря Богородицы Влахерской на кладбище – „в святом могильнике” (*in tumulis sanctotum, inter tumulos sanctorum; en sorois agion*) около Карантинной бухты (*Commemoratio...* 1764, Col. 861; *Anastasii...* 1853, Col. 686 C; *Istoria syntomos...* 1917, 16. *Istoria syntomos...* 1917, 16- 23, sec. 5; Айналов 1916, 17; *Vasiliev* 1936, 78). Он был воздвигнут во второй половине VI в. на месте более раннего, небольшого одноапсидного, однефного храма, в свою очередь сооруженного не ранее второй половины V в. Под храмом на глубине около трех метров находилась горизонтальная скальная галерея-шtolня протяженностью около 45 м., в которой располагалась агиасма, и цеп связанных между собой подземных скальных склепов (Веймарн 1977, 12-13; Сорочан 2004, 211-232; Сорочан 2007, 158-168; Сорочан 2009, 168-178).

Еще одна подземная агиасма рядом с монастырем была связана вырубленной в скале лестницей с колодцем - фиалом на дне. Очень похожее по конструкции сооружение с двухмаршевым ходом известно в ранневизантийской крепости Св. Кирила около с. Голеш в 42 км. от Силистры (Дуросторума), где оно тоже входило в один комплекс с однопасидной трехнефной базиликой с подземными криптой-мощехранительницей и мартирием с аркосолием, которые датируются VI в. (Atanassov 2006, 201-228, fig. 5).

Собственно мартирием при херсонском храме могли служить три соединенные скальными проходами стандартных подземных склепа с локулами (№ 1409-1411) под западной и центральной частью крестовидного здания, вход в которые был пробит снаружи, с северо-западной стороны, и еще одна обособленная скальная усыпальница (№ 1406) в плане удлиненной трапеции с лежанками в двух продольных стенах, арковидной нишей в задней стене, с арковидным входом и полукруглым потолком, вырубленная во время или вскоре после строительства храма под его правой (южной) ветвью (Извлечение... 1904, 19-20, табл. I; Отчет за 1906 год, л. 8; Косцюшко-Валюжинич 1909, 69; № 1406; ср.: Якобсон 1959, 252, Якобсон 1959, 261). В этом случае ее связь с устроенным над ней небольшим баптистерием едва ли случайна,

ибо купель крещальни символически была связана с идеей жизни и смерти (Descoeudres 1983; Хрушкова 2002, 400). В любом случае показательно, что на месте небольшого, видимо, однефного сооружения возник один из самых крупных в Херсоне крестовидных храмов – сооружение с подземной криптой, судя по плану, чисто мемориальное, причем публичного характера, связанное с паломничеством (ср.: Lassus 1944 (1947), 126).

Не исключено, что к числу мартириев относились и некоторые здешние скальные склепы с христианскими росписями, хотя они и были лишены наземных построек. Так, склеп № 1214 имел обособленную нишу в правой стене, украшенную изображением лаврового венка („венца мученика“), которая была углублена по типу саркофага, а захоронение закрыто плитами с изображением деревьев „райского сада“ (Фомин 2011, 43).

Местная агиографическая традиция устойчиво связывала этот район загородного кладбища с местом, где были погребены трое из первых семи священномучеников - епископов Херсонских - Евгений, Агафодор и Елпидий, которых неверные, „эллины“, умертвив, „извлекли мертвые тела святых за Мертвые ворота, повергли их на восточной стороне, чтобы им быть съеденным псами“ (Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 37-41, 43, 46, 49, 50, 61, 85, 89, 90, 93, 99, 133-142). К этой восточной стороне относится еще один сакральный архитектурный комплекс, раскопанный в 1902 г. в 200 м. к югу от фланговой башни Зинова, на восточной оконечности 30-метровой Девичьей горки, слева от дороги, ведущей в Херсон. Здесь были доследованы остатки одноапсидного и однефного храма с притвором (12,25 x 5,75 м.), скорее всего, ранневизантийского времени, позже, в XII-XIII вв., переделанного в малый одноапсидный храм, устроенный на месте первого (Отчет за 1902 год, л. 27; Извлечение... 1904, с. 15-17, рис. 9; Косцюшко-Валюжинич 1906, 112; Айналов 1905, 119-121, рис. 84-85; Романчук 2000, 242). Возможно, он тоже имел отношение к еще одному укрепленному загородному монастырю и носил кладбищенский характер. Ранний большой храм перекрывал два симметрично вырубленных в скале боковых склепа, вход в которые вел с юга и северо-востока через квадратные скальные шахты, напоминающие вход в подземную галерею соседнего монастыря Влахенской Богоматери. Внутри обоих крипт оказались лишь разрозненные кости. Однозначно относить их к мартирию нет оснований, хотя не исключено, что по крайней мере одна из крипт, - та, что имела одиночную скальную лежанку, могла быть не монашеским кимитирием или липсанотекой, а хранила чьи-то местнотимые святые мощи.

Последний из оригинальных херсонских скальных памятников мартирального культа сочетал в себе типичное погребальное скальное сооружение-склеп, переделанный в крошечную молельню с христианскими фресковой и темперной росписью. Он находился в 400 м. к юго-западу от городской фланговой башни V и был обнаружен в 1911 г. на земле поместья Н. И. Тура. М. И. Ростовцев пытался отождествить эту гробницу с местом погребения Св. Василия, однако с не меньшим основанием сюжет его поздней жанровой

фрески на правой стене позволяет предположить, что он был связан с известным из Житий епископов Херсонских чудом с отроком, воскрешенным Св. Василеем, и, следовательно, в переделанном виде в нем можно видеть меморий этого Анастасиса (Ростовцев 1914, 472-480; Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 164-166, 176-181). Склеп IV-V вв. почти квадратной в плане формы (2,48 x 2,79 x 1,68 м.), с двумя нишам-локулами в северной (левой от входа) и восточной (задней) стенах был перестроен в подземный мавзолей - молельню наибольшей длины и ширины по 3,95 м. вместе с локулами, в которой задняя стена с саркофагообразной нишей была со временем, не позже VI в., превращена в грубую крошечную апсиду трапецевидной формы с низкой алтарной преградой и святыми воротами, то есть, важно отметить, была приспособлена для Божественной литургии. Небольшую высоту помещения (от 1,6 до 1,7 м.), как и его незначительную площадь (около 6 м²), нельзя считать неодолимым препятствием для нужд богослужения христианской общиной, тем более, что внутри церквушки-молельни имелись ниши для свечников, ламп и избранные места для сидения, вырубленные в скале вдоль всего помещения в виде низкой ступени-скамьи, как это было принято в мемориальных культовых сооружениях (ср.: Могаричев 2005, 186 - 187; Могаричев 2010, 98; Филиппов 2009, 247, 248, 249, 256-257; Хрушкова 2002, 437 (Скамья). Высота ступени-престола внутри ниши-апсиды составляла 0,57 м., что указывает на совершение определенной части литургии коленопреклоненным священником (Филиппов 2009, 292, Филиппов 2009, 318). Большинство же участников стации при этом, как и полагалось, оставалось молиться снаружи скального мемория.

Итак, можно говорить о существовании в ранневизантийском Херсоне и его ближайшей округе двух основных разновидностей скальных памятников архитектуры. Во первых, это около 400 вырубных склепов загородного некрополя с прямоугольной, квадратной, трапецевидной камерой, с нишами-лежанками (локулами) в стенах и коротким дромосом ко входу, который закрывался каменной плитой и иногда замазывался по шву заклада цемянкой. Локулы в свою очередь могли быть заложены плинфой, камнями, досками или завешены тканью, войлоком. Унаследованные в массе от II-III вв., они продолжали функционировать по несколько столетий, причем около семи десятков из них превратились из семейных ипогеев в коллективные кимитии, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сотен костяков. Последние образцы такой скальной продукции датируются VIII-IX вв., причем среди них остались заготовленные загодя и неиспользованные по назначению, что говорить о существовании в городе некой системы-артели мастеров гробничных сооружений, работавшей на заказ (подр. см.: Сорочан 2005 в, 159-211).

К другой разновидности скальных сооружений относится подавляющее число мавзолеев (не менее семи из 10 известных) (ср.: Сорочан 2012, 149-160), которые включали в свой двухуровневый ансамбль элементы подземной скальной архитектуры тоже двух видов – склепы, аналогичные за-

городным кладбищенским, и крипты, зачастую тоже с кимитирями. И те, и другие служили объектом поклонения для жителей города и паломников. Воспринимаясь как мощные ретрансляторы святости, они увеличивали сакральное поле, в котором находилась вся Византийская империя. Самые ранние из них, возникшие в „святом могильнике“ около Карантинной бухты, относятся к концу IV - первой половине V вв. и, видимо, имели в основе некоторые из здешних расписных христианских склепов с заложенными локулами. Подавляющее число остальных объектов такого рода было воздвигнуто в конце VI - начале VII вв., что совпадает с общим „строительным бумом“, пережитым городом в это время, и просуществовали до X в. включительно. Зачастую они имели простую структуру, такую общую черту как подземный скальный склеп или крипту и иногда были связаны с вырубленными в скале агиасмами или фиалами с целебной водой. Последние следует отнести к еще одному, третьему виду местной скальной христианской архитектуры.

Таким образом, ранневизантийский Херсон располагал почти половиной всех известных основных типов и видов маририальных памятников, в том числе с элементами скальной архитектуры, а также скальными гробничными сооружениями и вырубленными в скале источниками, водоемами сакрального значения. Собственно гражданские объекты такого рода – водосборные цистерны (прежде всего цистерна на большой агоре) (Топография 2006; Сорочан 2008 а, 103-108) тоже были отчасти вырублены в скале и поэтому могут считаться памятниками скальной архитектуры.

Литература:

Айналов 1905: Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.

Айналов 1916: Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. 1916. Т. 25 (отд. отт).

Беляев 1989: Беляев С. А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь / Под ред. Г. К. Вагнера. – М., 1989.

Болотов 1913: Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. – М., 1913. Т.3.

Веймарн 1977: Веймарн Е. В. Некрополь около крестообразного храма в Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1977. Вып.14.

Енчев 2005: Енчев Т. Още по въпроса за деамбулаториума в раннохристиянските базилики // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. В. Търново, 2005.

Житие и страст... 1911: Житие и страсть святых отец и епископов бывших Василия, Капитона, мученых в Херсоне // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып.2.

Житие свв. епископов... 2005: Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч. 2.

Извлечение...1904: Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в в 1902 году // ИАК. 1904. Вып. 9.

Кленина 2003: Кленина Е. Ю. Хронология христианских памятников на участке Западной базилики // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиовед. – Севастополь, 2003.

Косцюшко-Валюжинич 1906: Косцюшко-Валюжинич К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 году. Окончательное расследование алтарной части крестного храма в 1906 г. // ИАК. 1906. Вып.20.

Косцюшко-Валюжинич 1909: Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. 1909. Вып. 33.

Латышев 1906: Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки имп. АН. СПб, 1906. Серия VIII по историко-филологическому отд. Т. 8. №3.

Месяца марта... 1911: Месяца марта в седьмой день Житие святых отец епископ Василия и Капитона мучившемся в Херсоне // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.

Минчев 2011: Минчев А. Ранневизантийский кирпич с именами трех святых из Марцианополя (Девня) // Херсонес - город Святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь, 12-18 сентября 2011 г.). Севастополь, 2011.

Могаричев 1997: Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997.

Могаричев 1999: Могаричев Ю. М. К вопросу о «пещерном храме» на Главной улице Херсонеса // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.; Магнитогрск, 1999. Вып. 8.

Могаричев 2005: Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.

Могаричев 2010: Могаричев Ю. М. Крым. «Пещерные города». Киев, 2010.

Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2012. Т. 1.

Отчет 1885: Отчет императорского ООИД с 14-го ноября 1883 г. по 14-е ноября 1884 г. Одесса, 1885.

Отчет за 1901 год: Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. Д. №10.

Отчет за 1903 год: Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. Д. № 11.

Отчет за 1906 год: Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. Д. № 15.

Ранневизантийские... 2004: Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под. ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеиной, С. Г. Рыжова. Poznan, 2004.

Романчук 2000: Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

Романчук, Сазанов, Седикова 1995: Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.

Ростовцев 2014: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 2014.

Сазанов 1991: Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Сазанов 2001: Сазанов А. В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI - XIV вв // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы научной конференции. Севастополь, 2001.

Сорочан 2003: Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии Св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.

Сорочан 2004: Сорочан С. Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. 13.

Сорочан 2005: Сорочан С. Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // БИ. 2005. Вып. 10.

Сорочан 2005 а: Сорочан С. Б. О храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // Sacrum et Profanum. Вып.1: Культ святых мест в древних и современных религиях. Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2005.

Сорочан 2005 б: Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1-2.

Сорочан 2005 в: Сорочан С. Б. Гробничное дело в византийском Херсоне (VI - X вв.) // Боспорские исследования. Симферополь, 2005. Вып. 9.

Сорочан 2007: Сорочан С.Б. К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне // Laurea. К 80-летию проф. В. И. Кадеева. Харьков, 2007.

Сорочан 2008: Сорочан С. Б. Два лика «пещерного храма» Херсонеса / Херсона // Херсонесский колокол. Сборник науч. статей, посвященный 70-летию и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко/ Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2008.

Сорочан 2008 а: Сорочан С. Б. [Рец.] // Археологія. 2008. №1 (Херсонесский сборник. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX - XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной. - Севастополь: Издат. дом. «Максим», 2006. - 240 с.)

Сорочан 2009: Сорочан С. Б. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник – Харьков, 2009. Вып. 8.

Сорочан 2012: Сорочан С. Б. К вопросу о мартириях в ранневизантийском Херсоне // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах. №28. Донецк, 2012.

Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

Сорочан, Крупа 2006: Сорочан С. Б., Крупа Т. Н. Мартирий Св. Василия в византийском Херсоне // Археологічні дослідження в Україні в 2004 - 2005 рр. Київ; Запоріжжя, 2006. Вип.8.

Суров 1961: Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.

Суров 1965: Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3.

Таврическая губерния 1893: Таврическая губерния. 1) Раскопки в Херсонесе // Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893.

Топография 2006: Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX - XI вв.) / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной // Херсонесский сборник. Supplement 1. Севастополь, 2006.

Уваров 1855: Уваров А. С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических находках в 1853 году. СПб., 1855.

Уваров 1908: Уваров А. С. Христианская символика. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. – М., 1908.

Филиппов 2009: Филиппов А. Е. Раскопки раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С. А. Беляев. СПб., 2009.

Фирсов 1973: Фирсов Л. В. Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 // Архив НЗХТ. Д. № 868.

Фомин 2005: Фомин М. В. О мартириях при Западной базилике Херсонеса // БИ. 2005. Вып. 10.

Фомин 2011: Фомин М. В. Местночтимые святые в позднеантичном Херсонесе // Херсонес - город Святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь, 12-18 сентября). Севастополь, 2011.

Хрушкова 2002: Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV - VII века). М., 2002.

Якобсон 1950: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.

Якобсон 1959: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.

Якобсон 1973: Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.

Anastasii...1853: Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurrent J.-P. Migne. Patrologiae graeca. 1853. T. 129.

Armstrong 1990: Armstrong G. T. *Martyrion* // *Encyclopedia of Early Christianity* / Ed. E. Ferguson, M. P. McHugh, F. W. Norris Garland. New York; London, 1990.

Atanasov 2006: Atanasov G. *Le martyrium, la basilique et le confecio avec des reliques dans le castel basbyzantin pres du village de Goleche, region de Silistra (Durostorum)* // *Early Christian Martyrs and Relics and Their Veneration in East and West. International Conference 20-23. 11. 2003 Varna. Varna, 2006.*

Commemoratio... 1764: *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sactum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae ...* // Mansi J. *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio...* Florentia, 1764. T. 10.

Deichmann 1979: Deichmann F. *Märtyrerbasilika, Memoria und Altargrab* // *Römische Mitteilungen.* 1979. Bd. 77.

Descoeudres 1983: Descoeudres G. *Die Pastophorien in syro-byzantinischen Osten: Eine Untersuchung zu Architektur und Liturgiegeschichtlichen Problemen.* Weisbaden, 1983.

Early Christian ...2006: *Early Christian Martyrs and Relics and Their Veneration in East and West. International Conference 20-23. 11. 2003 Varna / Acta musei Varnensis. 4. Varna, 2006.*

Grabar 1946: Grabar A. *Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique.* Vol. 1. Paris, 1946.

Grabar 1949: Grabar A. *From the Martyrium to the Charch: Christian Archyecture, East and West* // *Archaeology.* 1949. Vol. 2.

Istoria syntomos...1917: *Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto* // Епифанович С. Л. *Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника.* Киев, 1917.

Klauser 1974: Klauser Th. *Christlicher Märtyrerkult, heidnischer Heroenkult und spätjudische Heligenverehrung: Neue Einsichten und neue Probleme* // Klauser Th. *Gesammelte Arbeiten zur Liturgiegeschichte, Kirchengeschichte und Christlichen Archäologie* / Hrsg. E. Dassmann. Münster, 1974.

Klenina 2006: Klenina E. *The Saint Martyrs of Chersonesos According to Written Sources and Archaeological Data* // *Early Christian Martyrs and Relics and Their Veneration in East and West. International Conference Varna, November 20th-23th, 2003. Varna, 2006.*

Krautheimer 1960: Krautheimer R. *Mensa – Coemeterium – Martyrium* // *Cahier Archaeologie.* 1960. Vol. 11.

Lassus 1944 (1947): Lassus J. *Sanctuaires chretiens de Syrie.* Paris, 1944 (1947).

The Canons 1995: *The Canons of the Council in Trullo* // *The Council in Trullo Revisited* / Ed. by G. Nedungau, M. Featherstone (Kanonika, 6). Roma, 1995.

Saxer 1980: Saxer V. *Morts, martyrs, relique en Afrique chretienne aux premiers siecles.* Paris, 1980.

Vasiliev 1936: Vasiliev A. *The Goths in the Crimea.* Cambridge (Mass.), 1936.

Ward-Perkins 1993: Ward-Perkins J.B. *Memoria, Martyr's Tomb and Martyr's Charch* // *Art, Archaeology and Architecture of Early Christianity.* New York; London, 1993.

Список сокращений

АДСВ - Античная древность и средние века

БИ - Боспорские исследования

ИАК - Известия имп. Археологической комиссии

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

НЗХТ - Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

ООИД – Одесское общество любителей истории и древностей